

Научная статья
УДК 316.6
EDN AIWGXV
DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(4).779-786

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, НАУКА И СОЦИОЛОГИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТКРОВЕНИЯ В ДОГМАТ

Е.В. Зимина, Д.С. Хаустов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
20 ноября 2022 г.

Дата принятия к печати
6 декабря 2022 г.

Дата онлайн-размещения
23 декабря 2022 г.

Ключевые слова

Справедливость;
трансформация; мораль;
мышление; потребность;
социальные процессы;
социальные структуры

Аннотация

Предметом исследования является трансформация понятия «справедливость». Объектом исследования выступает идентификация содержания указанного понятия в зависимости от культурно-исторического контекста. Авторы подробно рассматривают несколько взаимосвязанных частей гуманитарного исследования, особый акцент делают на трансформации схем мышления: добродетель и справедливость, постньютоновская трансформация науки; пророк и учитель: от откровения к догмату; инсайт, конверсия и социология некапитализма. В статье разбираются и сравниваются произошедшие изменения представлений о справедливости, хозяйственном развитии и науке. Особое внимание уделяется разбору проблемы соотношения «моральной удачи» и «моральной катастрофы» как составляющих самого понятия «справедливость».

Новизна исследования заключается в выдвигаемой авторами гипотезе, которая состоит в том, что трансформации, случившиеся с представлениями о социальной справедливости, в чем-то соответствуют трансформации европейских наук, созданных Лондонским королевским обществом времен Исаака Ньютона и Роберта Гука. Основным стал вывод о том, что в актуализации объекта теоретического исследования есть одна сложность — наличие «невидимых» трансформаций представления о справедливости, предполагающих неявную ретроспекцию и «опрокидывание в прошлое» актуальных представлений о морали и справедливости.

Original article

JUSTICE, SCIENCE AND SOCIOLOGY OF ECONOMIC SYSTEMS: TRANSFORMATION OF REVELATION INTO DOGMA

Ekaterina V. Zimina, Dmitry S. Khaustov

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
November 20, 2022

Accepted
December 6, 2022

Available online
December 23, 2022

Abstract

The subject of the study is the transformation of the concept of justice. The object of the study is to identify the content of the concept of «Justice» depending on the cultural and historical context. The authors consider in detail several interrelated parts of humanitarian research with special emphasis on the transformation of thinking patterns: virtue and justice Post-Newtonian transformation of science; Prophet and teacher: from revelation to dogma; Insight, conversion and the sociology of non-capitalism. The article examines and compares the changes

Keywords

Justice; transformation; morality; thinking; need; social processes; social structures

that have occurred in the ideas of justice, economic development, and science. Special attention is paid to the analysis of the problem of the correlation of «moral luck» and «moral catastrophe» as components of the very concept of justice. The novelty of the research lies in the hypothesis put forward by the authors, which consists in the fact that the transformations that happened to the ideas of social justice in some way correspond to the transformation of the European sciences created by the Royal Society of London during the time of Isaac Newton and Robert Hooke. The main conclusion was that there is one difficulty in actualizing the object of theoretical research — the presence of «invisible» transformations of the idea of Justice that involves implicit retrospection and «tipping into the past» of current ideas about morality and justice.

**Трансформация схем мышления:
добродетель и справедливость**

Аласдер Макинтайр в работе 1981 г., посвященной довольно оригинальной концепции исторического развития добродетели, постулирует наличие в современности «морального упадка». В частности, он пишет: «Схема морального упадка, которую предполагают эти заметки, требует различения трех различных стадий. Первая стадия — это когда оценочные и, более точно, моральные теория и практика объемлют истинно объективные и неличностные стандарты, которые обеспечивают рациональное оправдание конкретной политики, действий и суждений и которые сами в свою очередь чувствительны к рациональному основанию. Вторая стадия — это когда совершаются неуспешные попытки утвердить объективность и неличный характер моральных утверждений; при этом проекты рационального обоснования средствами стандартов и самих стандартов постоянно рушатся. Третья стадия — это когда теории эмотивистского типа получают широкое неявное распространение из-за общего неявного осознания на практике, но не в теории того, что претензии на объективность и неличный характер не приводят к добру» [1, с. 34].

Напомним, что эмотивизм предполагает следующее: невозможно отделить сущее от должного; моральные утверждения лишены всякого фактического смысла; индивид не обязан мотивировать свое поведение, опираясь на факты окружающего мира, он делает это, опираясь лишь на индивидуальные предпочтения. Как же в подобных условиях возможна справедливость, если объективных оснований для нее нет?

Характерный симптом подобного отношения к исторической действительности представляет собой монография «Памятники не тем...» финского исследователя Ари Турунена [2, с. 130–245]. Автор, по его соб-

ственным словам, пишет о «зле, отлитом в бронзе», однако перечень «не таких» памятников довольно тенденциозен: в книге речь идет только об иностранных правителях — не рассмотрен ни один финский государственный деятель, ответственный за белый террор во время гражданской войны в Финляндии в 1918 г. или же за блокаду Ленинграда в 1941–1944 гг. Есть и курьезное в тексте: например, автор, как кажется, не доволен Аттилой потому, что «премьер Венгрии Виктор Орбан открестился от языкового родства с Финляндией. На саммите Тюркского совета в 2018 году в Киргизии Орбан заявил, что венгерский — близкий родственник тюркских языков, а венгры — гунно-тюркские потомки вождя Аттилы» [2]. Представленный нами краткий и поверхностный анализ рассмотренной работы как будто подтверждает мысль, высказанную Аласдером Макинтайром.

Как это можно объяснить? Начнем с разбора проблемы соотношения «моральной удачи» и «моральной катастрофы», проведенного в одной из недавно опубликованных работ: «Проблема «моральной удачи» (moral luck) состоит в том, что, вопреки позиции Канта, обстоятельства, о которых мы не имеем представления, могут оказать решающее воздействие на моральное значение нашего поступка. <...>

Это значит, что наше индивидуальное безупречное нравственное поведение может в итоге оказаться слагаемым «моральной катастрофы», переживаемой современным нам обществом.

Таким образом, состояние «моральной катастрофы» никогда не может быть безошибочно диагностировано современниками. Как правило, мы проживаем катастрофу спокойно, без намека на внутренний конфликт с собой, а подлинное катастрофическое содержание нашего времени становится понятно только с перспективы последующего морального совершенствования

общих ценностных установок. Чаще всего мы просто спокойно переживаем катастрофы, совсем о них не подозревая. Совершая моральные поступки в настоящем, нам, в самом деле, стоит лишь полагаться на fortuna, чтобы впоследствии, через пару столетий, не выяснилось, что мы находились во власти самообмана и посредством своего нравственного поведения стали соучастниками чудовищных преступлений. Так, римские рабовладельцы, средневековые крестоносцы или колонизаторы Нового времени с чистой совестью умерли во имя вечных ценностей Империи, Христа или Цивилизации, совсем не подозревая о том, что вся их жизнь представляла безостановочное нравственное падение» [3, с. 45–47].

В общем смысле такая постановка вопроса не вызывает серьезных противоречий, что делает задачу идентификации содержания понятия «справедливость» весьма зависимой от культурно-исторического контекста. В одних социально-исторических условиях помощь неимущим будет необходимым инструментом снижения криминогенного поведения и послужит достижению справедливости, в других — будет предполагать определенные механизмы сдерживания уровня социального иждивенчества [4].

Довольно любопытно, что подобный процесс был прослежен на другом социокультурном материале — трансформации схем мышления в рамках новоевропейских наук после Ньютона и его современников. Рассмотрим это подробнее.

Постньютоновская трансформация науки

Начнем с обзора трансформации схем познания в ходе формирования науки Нового времени. Ньютон со своим декларативным «гипотез я не измышляю» совсем не так на практике разрабатывал проблему всемирного тяготения: ученый полагал, что сила тяготения, мгновенно действующая при любом сколь угодно большом расстоянии между телами, есть проявление вездесущия Божия, поэтому теория дальнего действия привлекается для описания движения планет из мировоззренческих соображений. В одном из писем Ньютон так объяснял стабильность движения небесных тел Солнечной системы: «Ибо хотя планеты движутся по очень эксцентрическим орбитам во всевозможных положениях, слепая судьба никогда не могла бы заставить планеты двигаться по одному и тому же направлению по концентрическим орбитам, за исключением некоторых незначительных неправильностей,

которые могли бы происходить от взаимных действий комет и планет друг на друга, способных нарастать за время преобразования системы. Столь чудесная однородность планетарной системы должна предполагать действие выбора» [5, с. 71]. Также известно, что Ньютон задержал на несколько лет публикацию «Математических начал», поскольку рассчитанное на основе закона тяготения и известного периода обращения расстояние до Луны не соответствовало известным тогда данным — трактат ушел в типографию, как только автор теории тяготения узнал о новых измерениях расстояния, с которыми его гипотеза была в согласии. Получается, что сначала закон всемирного тяготения был сформулирован, и лишь позднее пришло эмпирическое подтверждение; на основании известных к 1670-м гг. данных индуктивно вывести его было нельзя. Рефлексия полученного научного результата происходила у Ньютона в социально приемлемых формах, типичных для его коллег по Лондонскому королевскому обществу. Очевидно, это позволяло в последующем поддерживать культурную коммуникацию — преподнести вызывающе новаторские «Начала» в социально приемлемой форме. Об этом опять-таки можно сделать предположение исходя из факта задержки публикации: в принципе, Ньютон мог бы (как позже поступил Д.И. Менделеев с пустыми клетками своей периодической таблицы элементов) опубликовать исследование, указав, что расстояние до Луны должно быть иным, чем было на тот момент известно. Но Ньютон не решился на этот шаг. Из данного факта можно сделать вывод, что необходимость эмпирического подтверждения и соответствующего индуктивистского понимания сделанного им самим появилась извне, в какой-то мере противореча внутренней логике «Начал».

Как ныне считается, Исаак Ньютон был арианом, что в его эпоху воспринималось как опасная ересь, а также занимался «библейскими» исчислениями: например, по сохранившимся указаниям пытался определить размеры храма Соломона. Любопытна ньютонова хронология будущего: в 1944 г. закончатся «тяготы евреев» (ошибка на один год!), а мирное тысячелетие наступит в 2370 г. Вообще, у Ньютона были довольно экстравагантные предшественники: весьма любопытно влияние герметической традиции на становление науки и роль в этом Джордано Бруно, Марсилио Фичино и др., например, в вопросе гелиоцентризма. Впрочем, бывают

довольно точные предсказания, основанные на весьма шатких методологических посылах, а также моделирование на основе вполне себе ренессансных космологических концепциях [6].

Однако к середине XVIII в. окончательно оформившийся в недрах Лондонского королевского общества экспериментальный подход переродился — теперь это не более чем особый чувственный опыт (в лучшем случае — особая организация чувственного восприятия). Лабораторный мир незаметно стал отождествляться с естественным. Вполне возможно, что это одна из причин провала создания устойчивых искусственных экосистем: от «Вселенной-25» до систем с людьми по типу «космического ковчега», например «Биосфера-2» [7].

Науки Нового времени начинают преподавать так, как ранее учили средневековой схоластике: произошла незаметная подмена авторитета классического текста авторитетом демонстратора-интерпретатора. Ведущие ученые перестали искать причины за пределами подлунной реальности, прекратили строить картины мира, объявленные бессмысленными и непроверяемыми: познание стало индивидуальным, знание — «чистым» (отделенным от инженерии), в мышлении предполагалось возможным только то, что сначала возникло в восприятии (сенсуализм), стало выраженным стремление «бегства от метафизики» (гипотез не измышлять), знания надлежало распространять в позитивистском ключе (экстенсивно и с уходом от научных проблем).

В общем, налицо определенная профанация основ научного метода: ценностное (метафизическое по сути) концептуальное ядро новых наук аккуратно вынимается, а внешняя оболочка — всякого рода «наблюдаемые эффекты» — остается, пестуется и лелеется. Однако подобная тенденция, по-видимому, наблюдалась в развитии не только наук Нового времени, но и некоторых других феноменов, традиционно в современном общественном сознании связываемых с феноменом капитализма, как бы последний ни определять [7]. Перейдем к рассмотрению некоторых из них.

Пророк и учитель: от откровения к догмату

В недавно опубликованной работе А. Игнатьева, отчасти посвященной психологии инсайта, конверсии и транзита, вскользь упоминаются отношения специфического психологического тандема «пророка» и

«учителя». Динамика этих отношений, представленных, например, Моисеем и Аароном (или Лениным и Сталиным), предполагает трансформацию откровения в догматы, практику его передачи — в ритуал, дистанцию от его источника и последовательности обращений — в иерархию статусов. Кристаллизированный результат — своеобразное раздвоение сначала функций лидера, а затем эпистемического и социального пространства, возникающего в результате конверсии: в центре сообщества рядом с фигурой «пророка», обеспечивающего получение и дальнейшую трансляцию откровения, появляется фигура «учителя», задача которого состоит в том, чтобы это откровение было внятно сформулировано и правильно, без каких-либо искажающих интерпретаций, усвоено на периферии сообщества. Как правило, на практике эти две фигуры состоят в очень сложных отношениях, которые можно определить одновременно и как созависимость, и как конфликт. И здесь же — в подстрочном примечании: «Отсюда, подзреваю, легенда об Антихристе у первых христиан или образ Великого Инквизитора у Достоевского, то есть фигуры, являющиеся как бы зеркальным отображением Христа как пророка. Профанической версией этого же удвоения функций «пророка» и «учителя» является тандем великого сыщика и нарратора, определивший канон популярного жанра» [8, с. 257].

Если применять категориальную схему, то можно прийти к выводу, что произошел перехват управления науками модерна из десниц «пророков» в руки «учителей»: ученые века Просвещения отказали людям во врожденном разуме — «открыли» существование *tabula rasa*. При этом утвердилось мнение, что каждый может узнать и достичь чего угодно, если войдет в храм науки, т.е. будет «проташен» через специфически организованные образовательные схемы и структуры. Если посмотреть на эту трансформацию свежим взглядом, то это довольно экстравагантно: как если бы людям отказали в изначальном, природном здоровье и обязали бы каждого с десятком лет проводить на больничной койке для достижения пристойного уровня гигиенической безопасности. Впрочем, в эпоху пандемии COVID-19 такой ход мысли уже не кажется излишне оригинальным. Из теории Ньютона было вынута метафизическое ядро, произошел отказ от «субстанциальной науки». Сформировав функционально-механическую науку (т.е. такую, которая занималась бы только внеш-

ними эффектами, а не их причинами), ученые XVIII в. дали возможность по той же схеме начать анализировать и душу, фактически применяя что-то вроде антропологической инженерии: нажми на кнопку — получишь результат. Однако понятий для этого еще не было (да и сама идея, если бы она была полностью осознана, вероятно, вызвала бы резкие возражения).

Отсюда — потребность настаивать на эмпирическом происхождении и научных онтологий, и представлений о душе. Довольно большой общественный резонанс вызвал трактат Ж. де Ламетри «Человек-машина». Его автор был врачом и полагал, что именно медицина может поставить окончательную точку в споре о душе — ведь душевное состояние человека зависит от его здоровья и возраста. «Человек — это машина, и когда механика не в порядке, как это случается во время болезни, то и духовные силы оказываются затронутыми. <...> Человек представляет собой просвещенную машину, поскольку все душевные способности зависят от мозга и строения тела» [9, с. 150].

В знаменитом исследовании техник господства «Надзирать и наказывать...» М. Фуко пишет о том же предмете: «В классический век произошло открытие тела как объекта и мишени власти. Не составляет труда найти признаки пристального внимания к телу — телу, которое подвергается манипуляциям, формированию, муштре, которое повинует, реагирует, становится ловким и набирает силу. Великая книга о человеке-машине создавалась одновременно в двух регистрах: анатомо-метафизическом — первые страницы были написаны Декартом, последующие медиками и философами; и технико-политическом, образованном совокупностью военных, школьных и больничных уставов, а также эмпирических и рассчитанных процедур контроля над действиями тела или их исправления. Это совершенно разные регистры, поскольку речь в них идет, с одной стороны, о подчинении и использовании, с другой — о функционировании и объяснении: теле полезном и теле понимаемом. И все-таки у них есть точки пересечения. «Человек-машина» Ламетри — одновременно материалистическая редукция души и общая теория муштры, где в центре правит понятие «послушности», добавляющее к телу анализируемому тело манипулируемое. Послушное тело можно подчинить, использовать, преобразовать и усовершенствовать. Знаменитые автоматы, с одной стороны, являлись не только способом иллюстрации

функционирования организма; они были также политическими куклами, уменьшенными моделями власти: навязчивая идея Фридриха II, мелочно-дотошного короля маленьких машин, вымуштрованных полков и долгих упражнений» [10, с. 166].

В общем, бюрократия отправления культуры науки привела к закономерной трансформации выхолащивания изначального откровения (инсайта) Ньютона.

Однако при чем тут справедливость? Рассмотренные нами социокультурные процессы протекали в рамках развития буржуазной цивилизации, которую можно считать синонимом термина «капитализм». Культурная трансформация произошла в салонах Франции при старом режиме, которые стали важным институтом развития буржуазного мировоззрения эпохи Просвещения: вслед за политической революцией 1789 г. произошел переворот и в мировосприятии — дворянская культура чести (щедрости и презрения к деньгам) уступила культурную гегемонию буржуазному (во многом мещанскому) менталитету [9].

Инсайт, конверсия и социология некапитализма

Можно согласиться, что понятие социального института указывает прежде всего на какую-то практику, т.е. комплекс повседневных действий, предполагающих унифицированную и принудительную рациональность. В сущности, это общее место, которое может облекаться в разные формулировки: например, у Ю. Берёзкина читаем: «Любой институт всегда содержит специально организованное пространство функциональных мест с жесткими процедурами взаимодействия между ними. За счет этого функционального механизма обеспечивается главное назначение любого института: организовывать взаимодействие между людьми, попавшими в те или иные места института, по строго определенным нормам и правилам. Именно данная компонента... позволяет придавать статус реальности (но локальной, только в пределах функционального пространства института) абсолютно нереалистичным (в обычной жизни) предпосылкам теоретических построений» [11, с. 73]. Подобным же локальным понятием является и принципиальная возможность достижения справедливости — например, только в процессе судебных прений.

Среди подобных структур, обеспечивающих навязанную разумность, в «Синдроме вертепа...» определяется и азиатский способ

производства: его главной особенностью, характерной именно для теократии, было подчинение любого хозяйствующего субъекта директивам, исходящим от священного правителя или непосредственно из храма. Способ формулирования этих директив нам неизвестен, однако трудно представить, чтобы их основанием была рациональная системная аналитика, а не общезначимые предметы веры, ритуалы и практики гадания. Можно также предположить, что легитимность подобных дивинаций определялась через категорию «справедливость».

Автор приводит довольно сложную классификацию типов хозяйственных систем по критерию базового принципа построения модели производства, распределения, накопления и потребления материальных ресурсов: «Если в центре пространства, которое предполагает экономика «военного коммунизма» или ее дериват, плановая экономика, находится распределяющий орган (ВСНХ, Госплан, на крайний случай, «ответственное лицо», вооруженное списком, кому, чего и сколько дать и где это взять), а в центре пространства капиталистической экономики — «невидимая рука» рынка (метафора, очевидным образом предполагающая теократию, именно поэтому А. Смит начинает свою аналитику «богатства народов» с вопросов морали), то в центре «промышленной» экономики находится первичная и универсальная социальная идентичность, тандем ребенка, который хочет есть, и матери, для которой накормить своего ребенка — неодолимая физиологическая потребность, а вовсе не экономическая проблема. <...> Понятно, что такая экономика вообще не предполагает ни производства, ни распределения, ни тем более товарно-денежных отношений, а только какую-то гарантированную и достаточно существенную натуральную или хотя бы денежную ренту, каковой, собственно, и является заработок супруга, алименты и всяческие социальные пособия» [8, с. 70, 190, 284–285]. В представленной цитате кратко разобраны разные представления о справедливости и инклюзии.

Также автор пишет о «первичной катастрофе», когда домашнее натуральное хозяйство становится недостаточным. Следствием этого является переход от матриархальной «экономики дара» к патриархальной «рыночной экономике» мужских инициаций, насилия и теократий. «Отсюда уже конфликт оседлого населения и кочевников или законопослушных обывателей и человека с

ружьем, остающийся трансгисторическим инвариантом любой подобной катастрофы, а также диспозитив его обычного разрешения на практике — экономика «дара», то есть централизованных экспроприаций и раздач, которую заведомо предполагает и блистательно оправдывает теократия».

И тут на сцену выходят два архетипических сюжета о связи модернизации и справедливости — их В. Мартынов и Л. Фишман называют динамическими и статическими группами теорий справедливости [12, с. 174–177]. Динамические теории предполагают, что «справедливость содержится в таком решении возникающих проблем, которое расширяет возможности наибольшего числа людей — всегда, как только появляются для этого технические, научные или культурные предпосылки» [там же, с. 175]. Этот тип справедливости проиллюстрирован шумерским мифом о создании людей богами как помощников в божественных делах, которым в процессе успешного решения поставленных задач предоставляется возрастающий объем прав, умений и технологий [13].

Второй тип теорий справедливости иллюстрируется мифом о Прометее, похитившем огонь у олимпийских богов для людей: «...то, что в шумерской мифологии было введением некоего незыблемого порядка мироздания, в мифологии античной стало революционным введением принципа справедливости как принципа увеличения возможностей для наибольшего числа тех, кто ими сможет воспользоваться. Но, будучи признанным «свыше», то есть со стороны греческих богов, это понятие справедливости стало в значительной мере статичным. Люди получили, пусть и нелегально, некоторую долю знаний богов, но за это заплатили тем, что попали к богам в подчинение. <...> В новом порядке космоса и полиса понятие справедливости стало абстрактным следованием отчасти богами, а отчасти самим мирозданием судьбой установленным правилам. Справедливым в обыденном сознании, как это следует из платоновских диалогов, стало воздаяние всем должного» [12].

Очевидно, что в истории эти два типа справедливости смешивались, расходились и перерождались одна в другую [14]. Важна связь понятий справедливости и инклюзии¹ [15–19]. Разработке связи этих понятий мы посвятим наши следующие статьи.

¹ Under Charles, Distributive Justice, Equality, Health Care. URL: <http://www.thepublicphilosopher.com/category/distributive-justice>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали / А. Макинтайр. — Москва : Канон+, 2022. — 368 с.
2. Турунен А. Памятники не тем: правители, не заслужившие славы / А. Турунен. — Москва : Альпина Паблшер, 2020. — 331 с.
3. Будрайтскис И. Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы / И. Будрайтскис. — Москва : Циолковский, 2020. — 160 с.
4. Седых О.Г. Взаимодействие власти и бизнеса в решении жилищных проблем детей-сирот как механизма контроля и сдерживания социального иждивенчества / О.Г. Седых. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).10. — EDN YLVXVR // *Baikal Research Journal*. — 2018. — Т. 9, № 2. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=22109>.
5. Лопатюк Р.Ю. Критика Гегелем понятия силы в небесной механике Ньютона / Р.Ю. Лопатюк. — DOI 10.21146/2074-5869-2017-22-2-70-78. — EDN YQVBXO // *История философии*. — 2017. — Т. 22, № 2. — С. 70–78.
6. Вертакова Ю.В. Управление воспроизводственным процессом региона на основе гармонической пропорции / Ю.В. Вертакова, В.А. Плотников. — EDN MVBILL // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. — 2010. — № 5 (73). — С. 89–93.
7. Журня Л.Л. Проект «Биосфера-2»: некоторые факты и результаты / Л.Л. Журня. — EDN HTFAVH // *Авиакосмическая и экологическая медицина*. — 2006. — № 1. — С. 57–64.
8. Игнатьев А. Синдром вертепа: кризис как перформативный контекст / А. Игнатьев. — Москва : Век XX и мир, 2020. — 400 с.
9. Хейстад У. История души от Античности до современности / У. Хейстад. — Москва : Текст, 2019. — 477 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы / М. Фуко. — Москва : Ad Marginem, 2019. — 416 с.
11. Берёзкин Ю.М. Проблемы и способы организации финансов / Ю.М. Берёзкин. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2006. — 248 с.
12. Мартынов В.С. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции / В.С. Мартынов, Л.Г. Фишман. — Москва : Весь мир, 2010. — 256 с. — EDN QOLXDR.
13. Туев В.А. Методологические проблемы идеологии российского общества / В.А. Туев. — DOI 10.17150/2500-2759.2017.27(4).600-606. — EDN ZUFGRJ // *Известия Байкальского государственного университета*. — 2017. — Т. 27, № 4. — С. 600–606.
14. Богодельникова Л.А. О пользе и вреде философии / Л.А. Богодельникова. — DOI 10.17150/25002759.2022.32(1).214-224. — EDN JYBNPG // *Известия Байкальского государственного университета*. — 2022. — Т. 32, № 1. — С. 214–224.
15. James David. Conceptual Innovation in Fichte's Theory of Property: The Genesis of Leisure as an Object of Distributive Justice / James David. — DOI 10.1111/j.1468-0378.2012.00547.x // *European Journal of Philosophy*. — 2012. — Vol. 23, iss. 3.
16. Miller D. National Responsibility and Global Justice / D. Miller. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2012. — 320 p.
17. Bell Duncan. Ethics and World Politics / Bell Duncan. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. — 464 p.
18. Melnikov A. Existentialism and the Emergence, Growth, and Development of Existential Sociology / A. Melnikov, J. Johnson // *Methodology, Theory, and Practice of the Sociological Analysis of a Modern Society : Collection of Scientific Papers*. — Kharkiv : Kharkiv National Univ. Press, 2008. — P. 33–40.
19. Ming Hsu. Quartz. The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency / Ming Hsu, Cedric Anen, R. Steven // *Science*. — 2008. — Vol. 320. — P. 1092–1095.

REFERENCES

1. Macintyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. University of Notre Dame Press, 1981. 305 p. (Russ. ed.: Macintyre A. *After Virtue: A Study in Moral Theory*. Moscow, Kanon+ Publ., 2022. 368 p.).
2. Turunen A. *Monuments to rulers who did not deserve glory*. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2020. 331 p.
3. Budraitiskis I. *The world that Huntington built and in which we all live*. Moscow, Tsiolkovskii Publ., 2020. 160 p.
4. Sedykh O.G. Interaction of Authorities and Business in Solving Housing Problems for Orphaned Children as a Mechanism of Control and Moderation of Social Dependency. *Baikal Research Journal*, 2018, vol. 9, no. 2. (In Russian). EDN: YLVXVR. DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(2).10.
5. Lopatjuk R.Yu. Hegel's Criticism of the Concept of Force in Newton's Celestial Mechanics. *Istoriya filosofii = History of Philosophy*, 2017, vol. 22, no. 2, pp. 70–78. (In Russian). EDN: YQVBXO. DOI: 10.21146/2074-5869-2017-22-2-70-78.
6. Vertakova Yu.V., Plotnikov V.A. Management of Region's Reproduction Process on Basis of Harmonic Proportion. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2010, no. 5, pp. 89–93. (In Russian). EDN: MVBILL.
7. Zhurnya L.L. Biosphere-2: some Facts and Results. *Aviakosmicheskaya i ekologicheskaya meditsina = Aerospace and Environmental Medicine*, 2006, no. 1, pp. 57–64. (In Russian). EDN: HTFAVH.
8. Ignatev A. *Nativity Scene Syndrome: Crisis as a Performative Context*. Moscow, Vek XX i Mir Publ., 2020. 400 p.
9. Høystad O.M. *Sjelens Betydning en Kulturhistorie*. (Russ. ed.: Høystad O.M. *The Importance of the Soul: a Cultural History*. Moscow, Tekst Publ., 2019. 477 p.).
10. Foucault M. *Surveiller et Punir: Naissance de la Prison*. Paris, Gallimard, 1993. 396 p. (Russ. ed.: Foucault M. *Surveiller et Punir: Naissance de la Prison*. Moscow, Ad Marginem, 2019. 416 p.).

11. Berezkin Yu.M. *Problems and Ways of Finance Management*. Irkutsk State Academy of Economics Publ., 2006. 248 p.
12. Martyanov V.S., Fishman L.G. *Russia in search of Utopias. From Moral Collapse to Moral Revolution*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010. 256 p.
13. Tuev V.A. Methodological Problems of the Ideology of Russian Society. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 4, pp. 600–606. (In Russian). EDN: ZUFGRL. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(4).600-606.
14. Bogodelnikova L.A. The Benefit and Harm of Philosophy. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 1, pp. 214–224. (In Russian). EDN: JYBNPG. DOI: 10.17150/25002759.2022.32(1).214-224.
15. James David. Conceptual Innovation in Fichte's Theory of Property: The Genesis of Leisure as an Object of Distributive Justice. *European Journal of Philosophy*, 2012, vol. 23, iss. 3. DOI: 10.1111/j.1468-0378.2012.00547.x.
16. Miller D. *National Responsibility and Global Justice*. Oxford University Press, 2012. 320 p.
17. Bell Duncan. *Ethics and World Politics*. Oxford University Press, 2010. 464 p.
18. Melnikov A., Johnson J. Existentialism and the Emergence, Growth, and Development of Existential Sociology. *Methodology, Theory, and Practice of the Sociological Analysis of a Modern Society. Collection of Scientific Papers*. Kharkiv National University Press, 2008, pp. 33–40.
19. Ming Hsu, Cedric Anen, Steven R. Quartz. The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency. *Science*, 2008, vol. 320, pp. 1092–1095.

Информация об авторах

Зими́на Ека́терина Викторовна — кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: ZiminaEV@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6659-4548>, SPIN-код: 7407-8413, AuthorID РИНЦ: 504352.

Хаустов Дмитрий Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент, кафедра социологии и психологии, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: HaustovDS@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5807-696X>, SPIN-код: 8402-2813, AuthorID РИНЦ: 504435.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования

Зими́на Е.В. Справедливость, наука и социология хозяйственных систем: трансформация откровения в догмат / Е.В. Зими́на, Д.С. Хаустов. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(4).779-786. — EDN AIWGXV // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32, № 4. — С. 779–786.

Authors

Ekaterina V. Zimina — Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: ZiminaEV@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6659-4548>, SPIN-Code: 7407-8413, AuthorID RSCI: 504352.

Dmitry S. Khaustov — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Sociology and Psychology, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: HaustovDS@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5807-696X>, SPIN-Code: 8402-2813; AuthorID RSCI: 504435.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

For Citation

Zimina E.V., Khaustov D.S. Justice, Science and Sociology of Economic Systems: Transformation of Revelation into Dogma. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2022, vol. 32, no. 4, pp. 779–786. (In Russian). EDN: AIWGXV. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(4).779-786.